
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Н.И. Смоленский

Кафедра новой, новейшей истории и методологии
Московский государственный областной университет
ул. Фридриха Энгельса, 21-а, Москва, Россия, 105000

Автор размышляет о характере дискуссий по вопросу о соотношении понятий «формация» и «цивилизация», имевших место в советской и российской исторической науке в 1980–1990-е гг. В рамках этих дискуссий рассматриваются взгляды выдающегося историка, ученого с мировым именем, академика РАН, проф. И.Д. Ковальченко.

Ключевые слова: И.Д. Ковальченко, формация, цивилизация, методология истории, российская историография.

90-е гг. XX в. характеризовались в отечественной историографии необычайной активностью поисков обновленных методологических подходов к исследованию. Своеобразным стержнем этих поисков стала проблема соотношения формационного и цивилизационного подходов. Актуальность проблематики приобрела в начале 1990-х гг. вполне отчетливую форму дискуссии. В середине 1990-х гг. с рядом публикаций на эту тему выступил академик И.Д. Ковальченко, изучение взглядов которого является задачей данной статьи. Начать это изучение следует с краткого анализа публикаций, предшествовавших работам И.Д. Ковальченко, что способствует пониманию места и значения его работ.

Отметим некоторую условность выражения «цивилизационный подход». Ни у творцов теории формаций, ни у авторов концепции цивилизаций научная позиция не формулировалась в качестве подхода. Действительно, с точки зрения научного мышления, подход – не метод, не конкретный принцип мышления, а термин обыденного языка, перенесенный в область позна-

ния, которая характеризуется, как известно, тем, что в ней не просто «подходят», а сущностно анализируют поставленную проблему; тем не менее, не пользоваться в данной работе этим термином невозможно.

Считается, что постановка проблемы цивилизаций принадлежит отечественному исследователю, публицисту и социологу Н.Я. Данилевскому, сформировавшему в книге «Россия и Европа» (1869 г.) концепцию особенных «культурно-исторических типов», или цивилизаций. В этом своем содержании данная концепция получила свое развитие у целого ряда представителей философско-исторической мысли западной Европы конца XIX – XX в., в том числе у таких известных, как О. Шпенглер и А. Тойнби. На самом деле у Н.Я. Данилевского есть предшественники, одним из которых был широко известный представитель французской историографии Ф. Гизо. Его книги (на основе лекций, читанных в Сорбонне) по истории цивилизации в Европе, истории цивилизации во Франции (все это относится к периоду 1828–1830 гг.) являются, по существу, первой основательной по объему привлекаемого материала попыткой осмысления проблемы цивилизаций с одной, однако, оговоркой: в мышлении Гизо нет идеи замкнутости цивилизаций, которая с появления работы Н.Я. Данилевского стала стержнем мышления у целого ряда известных представителей концепции цивилизаций.

Проблема цивилизации и цивилизационного подхода появилась впервые не в дискуссии 1990-х гг. Эта проблема в разной форме стала привлекать к себе внимание уже в начале 1980-х гг., что свидетельствует об обоснованности искать ее причины преимущественного в области конкретно-исторического исследования, показавшего определенную недостаточность формационного подхода – в существовавшем тогда его понимании – для объяснения накопленного фактического материала по различным проблемам, прежде всего в области востоковедения (1). В этой ситуации нет чего-либо необычного: накопление нового исторического знания ведет с неизбежностью к пересмотру в той или иной мере существующих в данное время теоретических представлений как основы исследования. Правда, к этому следует добавить, что осуществить это по отношению к теории Маркса в условиях советского времени было крайне непросто вследствие официальной ее канонизации в качестве единственно научной и верной. Такое отношение к теории не принесло ни ей, ни советскому обществу в целом ничего, кроме вреда, даже если учесть, что импульс к такому отношению был отчасти следствием реального жесткого идеологического противоборства на всем протяжении холодной войны.

Рамки, размах и острота дискуссии по проблемам цивилизационного подхода 1990-х гг. свидетельствуют о том, что ее главной причиной была уже не столько потребность в развитии теории, сколько изменение общественного строя в стране – перемены, которые в любом случае, хотя и по-разному, не могли не повлиять на мышление историков. В 1990-е гг. про-

явилось три варианта отношения к господствовавшим ранее теоретическим основам исторического мышления:

- 1) убежденность в их полной научной состоятельности;
- 2) отрицание таковой по отношению к марксистской теории в целом;
- 3) необходимость развития и обновления теоретических основ исследования путем ее сочетания с цивилизационным подходом.

Следует отметить, что научная обоснованность каждой из трех позиций не заключается в том, сколько именно сторонников ее отстаивало, хотя это может быть важно в каком-то другом отношении. Более очевидно то, что первые две позиции не относятся к вариантам развития, обогащения теории: один числит ее в качестве совершенства (единственно-научной), другой – в качестве изначальной несостоятельности.

Приведем один из вариантов второго подхода: «На мой взгляд, эта теория была несостоятельной уже в той краткой ее редакции, которая была сформулирована Марксом... я не приемлю теорию формаций как нечто цельное в принципе» (2).

Столь приговорный вывод нуждается, безусловно, в аргументации, чего автор не избегает и приводит в данном случае один критический довод из совокупности имеющихся у него, хотя и не приведенных здесь возражений против теории: стержнем формационной теории Маркса была идея о переходе от капиталистической формации к социалистической, и это предсказание не сбылось (3).

Вполне обоснованно связывать эту логику рассуждений Л.С. Васильева с крахом социалистической системы в СССР, хотя ни данного, ни какого-либо другого аргумента, раскрывающего причины несостоятельности прогноза Маркса, автором в данном случае не приводится. Следовательно, это позиция Л.С. Васильева, а не Маркса.

Во-первых, теория Маркса не связывала переход к социализму с какой-либо одной страной, в том числе Россией; следовательно, реальный переход к социализму произошел в некотором смысле «не по Марксу».

Во-вторых, идея перехода предполагала наиболее развитые страны капиталистического мира, что опять-таки к России по меркам того времени отнести невозможно; следовательно, и в этом правомерно усматривать определенные просчеты в прогнозировании характера перехода к социализму в марксизме.

Тем не менее идея социализма стала реальностью.

Крушение советской общественной системы необоснованно рассматривать в качестве свидетельства несостоятельности идеи социализма, становление этой системы не было делом случая. Однако для ее вполне адекватной оценки сегодня у историка нет необходимой опоры мышления; ее может дать только ход истории, лишь будущее покажет то, что необходимо для такой оценки – место советского общества в связи времен. Приход этого будущего – не по меркам человеческой жизни, надо подождать, как бы кто к этому не относился. Будет ли это приговор советскому прошлому, его оп-

равдание или нечто еще – покажет время. Приверженность любой теоретической и социально-политической позиции сегодня решает далеко не все в степени вероятности прогноза.

Третий вариант разработки методологических проблем исторической науки заключался в сочетании формационного и цивилизационного подходов. В дискуссии 1990-х гг. эта теоретическая позиция была наиболее актуальной, ее придерживалось значительно больше историков, чем в первых двух случаях (в опубликованном варианте взглядов), в чем, впрочем, нельзя усматривать ключ к истине.

Какие основные проблемы возникли в связи с призывом к сочетанию формационного и цивилизационного подходов как предпосылки обновления теоретических основ исторических исследований?

Это, прежде всего, проблема содержания основных понятий – цивилизационного подхода, его соотношения с формационным и понятия «цивилизация». Далее, это обоснование необходимости и характера упомянутого сочетания.

Начнем с последнего.

Необходимость сочетания обосновывалась: отсутствием разработок в области теории формаций и его догматизация (Л.Б. Алаев) (4); все более обнаруживающейся неадекватностью социально-классовой детерминации духовной сферы (Б.С. Ерасов) (5); невозможностью осмысления с опорой на теорию формаций новых данных по современному этапу всемирной истории (М.А. Чешков) (6); европоцентризмом теории формаций (Л.Б. Алаев (7), А.В. Малащенко (8)); формационным редуционизмом, сведением всего многообразия действительности к формационным характеристикам (Поздняков Э.А.) (9).

Этот не исчерпывающий перечень причин и мотивов новых теоретических поисков содержит как обоснованные, так и ошибочные доводы. Бесспорна догматизация теории в советское время, что препятствовало ее развитию, причем то и другое имело некоторую общую основу – влияние идеологии. Другой – естественной – предпосылкой необходимости развития теории является само развитие истории, следовательно, в частности, смотреть сегодня на капитализм глазами Маркса, т.е. по меркам XIX в., уже недостаточно, хотя это не ошибочность теории, ибо это было верно для своего времени.

Вместе с тем нельзя согласиться с тезисом о европоцентризме теории.

Бесспорно, теория формаций была развита на материале истории Западной Европы и не дает исчерпывающей теоретической картины формационного развития в мире, причем речь идет не только об азиатском способе производства, оставшемся в рамках теории формаций проблемой. Впрочем, к этому следует добавить, что и Марксу было не чуждо, правда, в форме оговорок, понимание того, что его теорию не следует рассматривать как представление о всеобщем для всех стран и народов пути развития. Десять лет спустя после появления «Капитала» Маркс возражал против превращения его взглядов на возникновение капитализма в Западной Европе «...в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом

обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются» (10).

Следует добавить: прошедшие после Маркса десятилетия и сопутствовавшие им исследования по странам Востока пока не привели ни к обогащению теории формаций, ни к формированию обоснованных теоретических представлений, не согласующихся с ней.

Наконец, понятие «формационный редукционизм» является искажением точного смысла экономического детерминизма Маркса, поскольку в нем нигде не прослеживается отношение к экономическому фактору как к единственной причине всего сущего. Речь идет о взгляде на экономику, экономические интересы и структуры как на самую глубокую, конечную первооснову истории, в которой, однако, действуют и другие факторы, оказывающие свое влияние и на экономику. Верно и другое: в указанном смысле «экономического редукционизма» поступали нередко историки-марксисты, в чем ошибки или вины теории Маркса, однако, нет. О таком понимании и оценке «формационного редукционизма» идет речь у одного из участников дискуссии Я.Г. Шемякина: «...формационный редукционизм не тождествен формационному подходу, а представляет собой его абсолютизацию и тем самым искажение. Сам же по себе формационный подход... был и остается крупнейшим научным достижением» (11).

К чему привели, далее, попытки определить соотношение формационного и цивилизационного подходов? В чем суть цивилизационного подхода? Были высказаны разные трактовки этих проблем, которые, впрочем, сводятся к двум вариантам. В первом случае формационный подход рассматривается в качестве составной части цивилизационного по предмету, области исследования. Предмет цивилизационного подхода – «...не одна какая-то сторона человеческого бытия, а совокупность всех форм жизнедеятельности того или иного общества – материальных, идейных, культурных в их единстве...» (12). Далее: «Формация... это один из вариантов развития идей об эволюции цивилизации на определенном этапе этого движения» (И.Н. Иванов) (13). И еще: «Цивилизация – это то поле, на котором общество выращивает свои “формационные злаки”» (А.В. Малашенко) (14). Стержнем этих рассуждений является преимущественно область, предмет исследования, и ничего нет о способе, методе исследования; сущность цивилизационного подхода не раскрыта.

Второй вариант, при всем различии в оттенках взглядов, различает формационный и цивилизационный подходы в качестве разных самостоятельных систем детерминации; их применение связывается с необходимостью их совмещения. «Формационная теория обосновывает наличие общей, тотальной (и конечной) детерминации хозяйственными факторами, а цивилизационная теория – наличие столь же тотальной и конечной детерминации принципами формирования и развития цивилизаций» (Б.С. Ерасов) (15). В исследовании они должны применяться на основе взаимодополнительности (16).

Л.Б. Алаев считает, что формационная теория «...не может брать на себя объяснение отличий цивилизаций и народов друг от друга, она должна быть дополнена другим, цивилизационным подходом, который в принципе и обязан взять на себя объяснение цивилизационных, или культурных, или каких угодно различий между путями развития этносов, культур, цивилизаций» (17).

Согласие с этой позицией было выражено другими участниками дискуссии. По мнению Д.М. Бондаренко, задача заключается в том, чтобы разгрузить формационную теорию, «...оставив за ней анализ одного из типов социально-исторической причинности, а именно того, который связан с материальным производством» (18).

Один из активных участников дискуссии И.Н. Ионов отметил: «Предложение о взаимообогащении формационного и цивилизационного подходов стало уже общим местом». Это не помешало ему поставить вопрос, который никак нельзя признать риторическим: «Осознают ли авторы этих предложений всю сложность поставленной задачи, связанные с ней методологические проблемы?» (19).

Если говорить о результатах дискуссии первой половины 1990-х гг., то И.Н. Ионов по-своему прав: сложность поставленной задачи способствовала полученным итогам дискуссии.

Однако, во-первых, любая степень трудности проблематики не делает дискуссию ненужной, дискуссия – один из способов поиска истины.

Во-вторых, решение проблемы соотношения формационного и цивилизационного подходов и не могло быть достигнуто в рамках дискуссии, хотя здесь был важен поиск постановки проблемы, на остальное требуется время не по меркам дискуссии. Что все же можно сказать применительно к итогам дискуссии?

Подводя итоги одного из вариантов дискуссии, В.Г. Хорос отметил: большинство участников – за совмещение формационного и цивилизационного подходов, хотя такое совмещение непросто, оно «...предполагает как вычленение действительно рационального в формационной теории, так и осмысление той значительной литературы (прежде всего зарубежной, которая уже накоплена по цивилизационной проблематике). Мы сегодня этого сделать не сможем...» (20). «...На сегодняшний день пока рано говорить о новой метатеории» (21). Действительно, предпосылки возникновения новой теории формируются развитием познания и далеко не любой его уровень их содержит.

И все же дает ли дискуссия первой половины 1990-х гг. объяснение тому выводу, который в своем варианте дискуссии сделал В.Г. Хорос? Отчасти да. Дискуссия показала разброс мнений и отсутствие приблизительной ясности по проблеме, без решения которой не может быть ясности и в понимании сути цивилизационного подхода: что такое цивилизация?

В рассматриваемой дискуссии эта проблема является не менее спорной, чем все то, что связано с цивилизационным подходом в целом.

Впрочем, эта особенность изучения данной проблемы сопровождает весь ход изучения с момента ее постановки в XIX в. В большинстве случаев

цивилизация в качестве сферы деятельности и мотивов поведения людей, а следовательно, и в сфере познания определялась через духовное производство, духовные факторы. В этом смысле слово «цивилизация» оказывается близким понятию «культура», что с неизбежностью ставит вопрос о соотношении цивилизации и культуры. Эта проблема обсуждалась в начале 1980-х гг. в советской историографии, что выразилось в многообразии толкования упомянутого соотношения (22).

Примерно таким же несовпадением точек зрения характеризуется обсуждение проблемы в 1990-е гг., причем причины несовпадения кроются преимущественно в вопросе о сущности цивилизации: цивилизация – «...способ бытия (деятельности) той или иной общности» (23), цивилизацию и культуру необходимо разграничивать (24); сущность цивилизации – «...во всей совокупности проявлений жизнедеятельности коллективной личности» (25); фундамент цивилизации – культура, хотя цивилизация не является сублимацией культуры (26); цивилизация – система детерминации общественной жизнедеятельности через духовное производство, т.е. культуру (27).

Приведенные различия в понимании соотношения цивилизации и культуры невозможно признать в качестве обоснованного в каждом случае варианта решения проблемы о сущности цивилизации со ссылкой, скажем, на принцип дополнительности Бора и Гейзенберга о невозможности изучения явлений при помощи только одной теоретической модели мышления. Эти различия говорят о другом – об отсутствии обоснованного представления о сущности цивилизации, именно представления о сущности, а не об определении понятия, которое (определение) всегда вторично по отношению к сущности. Отсутствие ее понимания в данном случае признается и в дискуссии: понятию цивилизации присуща «концептуальная неопределенность» (28). Другой участник дискуссии Г.Г. Дилигенский вполне убедительно указывает на причину этого – отсутствие в области познания интегрирующего принципа, который «...цементирует цивилизацию общность...» (29). Отсюда следует: «цивилизация» в рамках отмеченной дискуссии – можно добавить: и сегодня – не обладает статусом научного понятия, категории, а является термином, словом.

В середине 1990-х гг. с рядом публикаций по проблемам методологии выступил И.Д. Ковальченко (30). Стержнем этих работ была попытка разобраться в том, каковы роль, место и значение теории формаций и марксизма в целом в современном состоянии исторической науки. По существу это была попытка осмыслить то, чего невозможно было осмыслить в советское время – что в этой теории сохраняет свой научный статус, что ошибочно или устарело и в каком развитии она нуждается. «Марксизм стал официальной государственной идеологией и был не только абсолютизирован как единственная научная теория... но и предельно догматизирован и идеологизирован... Тем самым практически была исключена возможность сколько-нибудь широкой творческой социологической теории марксизма...» (31).

Современную ему общественно-политическую ситуацию в России, как и в мире, И.Д. Ковальченко оценивал положительно в связи с тем, что прекращение «холодной войны» снизило уровень политизации и противостояния в подходах к изучению прошлого. К тому же само развитие познания требует преодоления резкой поляризации и поиска путей к синтезу философско-исторических концепций (32).

Идея синтеза сочетается у И.Д. Ковальченко со следующим представлением о роли и месте в нем марксистской теории: «Совершенно очевидно, что формационный подход, как и марксизм в целом, должен занять свое (и отнюдь не последнее место) в открывающемся процессе интеграции философско-исторических и конкретно-исторических подходов и концепций».

Представление о такой роли марксистского варианта исторической теории в синтезе концепций сочетается у И.Д. Ковальченко с целым рядом идей по ее разработке и обновлению.

Признавая подход к типизации и периодизации исторического развития на основе общественно-экономических формаций несомненным шагом вперед в изучении истории, И.Д. Ковальченко отмечал, что политические, культурные, нравственно-психологические явления не входили в число признаков формаций в качестве вполне «самостоятельной» и «равноправной» составляющей компоненты единой системы общественно-исторического развития.

Далее, он признавал необходимость уточнения критериев выделения общественно-экономических формаций на том основании, что они выделялись лишь по системе производственных отношений. Это существенно отличается от основы производительных сил, которая была по своей сути единой в первобытном, рабовладельческом и феодальном обществах: господство ручного труда. Ставится также вопрос в связи с азиатским способом производства и сомнительностью его включения в число формаций (33).

Требуется, далее, разработки проблема соотношения формационного и других укладов, не изучен процесс их взаимодействия, а также взаимодействия базиса и надстройки. Все это, утверждал И.Д. Ковальченко, требует углубленного изучения.

Возникает вопрос: является ли научно доказанным основной тезис марксистской теории об экономической обусловленности всего того, что в ней фигурирует под понятием «надстройка»? У основоположников теории каких-либо пространственных исследований на эту тему, как известно, нет. Столь же известно, что у них есть предшественники, в том числе историки (французские историки периода Реставрации), следовательно, идея выдвигалась с развитием познания. Это привело к тому, что сторонниками экономического детерминизма в том или ином варианте его понимания становились те, кто марксистами себя не считал. Широко известный пример – взгляды М. Вебера (1864–1920).

«Отказываясь от установленного мнения, – писал Вебер, – будто всю совокупность явлений культуры можно *дедуцировать* из констелляций ма-

териальных интересов в качестве их продукта или функции, мы, тем не менее, полагаем, что *анализ социальных явлений и культурных процессов* под углом зрения их экономической (выделено автором. – Н.С.) обусловленности и их влияния был и – при осторожном, свободном от догматизма применении – останется на все обозримое время творческим и плодотворным научным принципом».

Впрочем, у Вебера, – а здесь он не ссылается на Маркса – не было точного истолкования взглядов последнего; именно поэтому он обрушивался с критикой на материалистическое понимание истории, согласно которому будто бы при объяснении любых явлений следует отыскивать экономические причины (34).

В качестве ответа Веберу, как и другим аналогичным толкованиям экономического детерминизма Маркса, можно привести реплику К. Поппера, известного противника Маркса: «О марксовом материализме было сказано много совершенно несостоятельного. Особенно нелепо звучит часто повторяемое утверждение о том, что Маркс не признавал ничего выходящего за пределы “низших”, или “материальных”, аспектов человеческой жизни» (35).

Из точного смысла экономического детерминизма Маркса следует, что этот вариант толкования причинно-следственных связей в истории невозможно обогатить теоретически, рассматривая духовные факторы в качестве «равноправных» в одном ряду с экономическими мотивами человеческих действий.

Но совершенно очевидна необходимость изучения того, что в формулировке И.Д. Ковальченко является проблемой взаимоотношения базиса и надстройки в различных формациях. Даст ли это обогащение теории – покажут результаты этого, во многом конкретно-исторического по своей сути исследования. Однако такой анализ необходим. Только он, в частности, может дать основания для оценки следующего тезиса, высказанного в рассмотренной дискуссии: «Ошибка последователей К. Маркса состояла в том, что зависимость надстройки от базиса, вполне реальную в условиях современного ему капитализма, они приняли за неизменно присущую всем стадиям общественного развития» (36). Сказать в этой связи в порядке несогласия, что люди сначала должны есть, пить, одеваться, обуваться, чтобы заниматься политикой, наукой, искусством, будет недостаточно, нужен именно конкретный анализ соотношения базиса и надстройки в различных пространственно-временных условиях.

В какой мере является обоснованным критерий выделения формаций по системе производственных отношений? Творцом всего сущего является человек-труженик, люди создают и то, что является условием производства – орудия и средства труда, это, по словам Маркса, – «костная и мускульная система производства» (37). Нельзя считать эту сферу жизнедеятельности в качестве некоего второстепенного, малозначащего ее фактора, прогресс орудий труда приводит к гигантским изменениям в мире, хотя это и не бывает только со знаком плюс.

Однако орудия и средства труда, естественные (земля и т.д.) и созданные человеком – не первопричина жизнедеятельности. Все дело в том, в чьих руках они находятся, что является проблемой собственности, ее вида.

Отношения между людьми по поводу средств, орудий и условий труда входят в понятие «собственность», собственность является основой, стержнем производственных отношений. Ручной труд не дает возможности понять разницу между рабовладением и феодализмом, как и достижения научно-технического прогресса не помогают увидеть эту разницу между капитализмом и социализмом. Вместе с тем формация – это не только вид собственности (собственник/несобственник), но и более широкая структура отношений в обществе, производственных и не только производственных.

Выступая за обогащение и развитие марксистской теории, И.Д. Ковальченко – в этом его отличие от многих, если не большинства участников дискуссии – в то же время вполне определенно выступал за синтез теории, подходов, концепций – и в этом его сходство с ними. Выражено это в такой форме и эмоциях, которые не требуют комментариев: «Следует, по моему убеждению, напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью черт и свойств общественно-исторического развития...» (38).

Еще одна особенность взглядов И.Д. Ковальченко: он имел в виду выделять все, что способствует углубленному изучению исторического процесса, из совокупности теорий, и не сводил эту проблему к сочетанию формационного и цивилизационного подходов, это было стержнем дискуссии 1990-х гг. С учетом изложенных ее результатов этот подход нельзя не признавать более взвешенным.

Что такое цивилизация? Правомерно то определение цивилизации, писал И.Д. Ковальченко, которое рассматривает ее как единую и целостную совокупность всех проявлений исторического развития (39). Следовательно, термин «цивилизация» является по содержанию синонимом понятия «история». Более определенным понимание сущности цивилизации становится тогда, когда формируются критерии ее выделения, как и ее общих стадий и локальных вариантов.

В этой связи И.Д. Ковальченко исходит из субстанциального значения деятельности человека в основных ее сферах: качественное сходство в этом выражает и общие этапы в истории цивилизации, и ее локальные варианты (40). Такой подход к проблеме сущности цивилизации и ее периодизации означает ее анализ с опорой на все многообразие сторон и факторов человеческой деятельности – материальных, социально-политических, духовных, нравственных и т.д.

Изложенная позиция не вполне соответствует предлагаемой И.Д. Ковальченко периодизации общей истории цивилизации в составе двух ее этапов: доиндустриального и индустриального. В основе периодизации – сред-

ства и орудия труда, то есть, по существу, один фактор – материальный. Первый этап, согласно этому, включает две формации – рабовладение и феодализм; первобытнообщинный строй не включается в структуру цивилизационных отношений. Индустриальный этап включает в себя две формации – капиталистическую и социалистическую. Признавая, что социализма как сложившейся стадии в развитии истории еще нигде не существует, И.Д. Ковальченко выдвигает весьма примечательный тезис: «Реальный ход этого развития показывает, что формирование предпосылок для складывания системы социалистических отношений – вполне естественный процесс, но он, безусловно, потребует больше времени, чем это может показаться на первый взгляд и чем это кому-либо хотелось бы» (41). Следует добавить: и независимо от того, что этого кому-либо не хочется.

Взгляды крупного отечественного историка И.Д. Ковальченко на рассматриваемую проблему нельзя считать сложившимися – ни по времени, которое ему было отпущено в жизни, ни по объему публикаций.

Тем не менее то, что он оставил, помогает понять результаты и значение примечательной вспышки теоретических поисков первой половины 1990-х гг. в отечественной историографии.

Сохраняя свою приверженность марксизму как общеисторической теории, И.Д. Ковальченко ставил проблемы ее теоретического обновления и вместе с тем разделял тезис о необходимости теоретического синтеза различных идей, методов и концепций; подчеркнем, что у него речь не идет только о сочетании формационного и цивилизационного подходов. Идея синтеза философско-исторических подходов и построений являлась у И.Д. Ковальченко, по существу, способом сохранить формационный подход и марксизм в целом в новой складывавшейся теоретической структуре исторического мышления. Что же касается идеи синтеза как пути к новому, то она не дала и не может дать новых или обновленных теоретических основ исторического познания, хотя результат определяется, в конечном счете, практикой конкретно-исторического исследования.

Так было, в частности, в связи с изучением проблемы аграрных отношений раннего средневековья у древних германцев. Марковская, вотчинная теория в немецкой историографии, марксистская концепция этой же проблемы у нас (А.И. Неусыхин) отличались в каждом случае новизной теоретического подхода, толкования источников и выводов по характеру аграрных отношений, неравноценностью по степени истинности этих концепций во всем объеме их содержания, но ни о каком синтезе в их формировании говорить не приходится (42).

Развитие теоретических основ познания историка вообще свидетельствует о том, что возникновение теоретических концепций в области исторического исследования шло путем определения исходных принципов и критериев мышления с его опорой на тот или иной фактор исторического процесса как определяющий. На первый план выдвигались и становились веду-

шим принципом мышления: идеальный (духовный) фактор, материальные отношения, географическая среда, политический фактор (государство), психология, демография и т.д. (43). Каждая из этих концепций содержит, следуя логике рассуждений И.Д. Ковальченко, зерно истины, но ни о каком синтезе в их возникновении говорить невозможно. В этом проявляется некая общенаучная основа движения познания к новым результатам, теоретическим и конкретным: нужны новая идея, новый принцип мышления, которые не являются результатом сочетания, синтеза уже имеющихся идей, принципов и т.д.

Взгляды И.Д. Ковальченко по проблеме обновления теоретических основ исторического познания находятся в русле дискуссии первой половины 1990-х гг. Может быть, в этих взглядах более, чем у других авторов, переживает рациональный подход к проблеме: сохранить в области теории то, что выглядит научно-обоснованным в свете современного состояния исторического познания, и идти дальше. Что же касается цивилизационного подхода, то точка зрения И.Д. Ковальченко подтверждает: этот подход остается проблемой, а не свидетельством обновления теоретических основ исторического познания. Однако в науке отрицательный результат – тоже результат, в этом также заключается значение рассмотренной дискуссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О начале дискуссии см.: *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. – М., 1977; *Илюшечкин В.П.* Сословно-классовое общество в истории Китая (Опыт системно-структурного анализа). – М., 1986. См. также: *Новикова Л.И.* Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопросы философии. – 1982. – № 10; Цивилизация и исторический процесс. – М., 1983; Цивилизация и культура в историческом процессе. – М., 1983; О соотношении понятий «цивилизация» и «культура» в свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях // Новая и новейшая история. – 1983. – № 4.
- (2) См.: *Васильев Л.С.* Формация или цивилизация? // Сб. статей и материалов / Под ред. В.И. Овсянникова. – М., 1993. – С. 112–113.
- (3) Там же. – С. 112.
- (4) Там же. – С. 31.
- (5) Там же. – С. 66.
- (6) Там же. – С. 124.
- (7) Там же. – С. 31.
- (8) Там же С. 126.
- (9) Там же. – С. 53.
- (10) *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 19. – С. 120.
- (11) *Шемякин Э.А.* Формационный и цивилизационный подходы // Формация или цивилизация? – С. 56.
- (12) *Поздняков Э.А.* Формационный и цивилизационный подходы // Формация или цивилизация? – С. 56.
- (13) Там же. – С. 120.
- (14) Там же. – С. 127.

- (15) Там же. – С. 77.
- (16) *Ерасов Б.С.* Теоретические аспекты цивилизационного подхода к «Третьему миру»: расширенные тезисы к дискуссии // *Формация или цивилизация?* – С. 106.
- (17) Там же. – С. 78.
- (18) Там же. – С. 119.
- (19) Там же.
- (20) Там же. – С. 127.
- (21) Там же. – С. 137.
- (22) См.: О соотношении понятий «цивилизация» и «культура»...
- (23) *Формация или цивилизация?* – С. 29.
- (24) Там же. – С. 135.
- (25) Там же. – С. 43.
- (26) *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории» или смена цивилизаций? // *Формация или цивилизация?* – С. 81.
- (27) *Ерасов Б.С.* Теоретические аспекты... – С. 105.
- (28) *Новикова Л.И.* Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // *Цивилизации.* – Вып. 1 / Отв. ред. М.А. Барг. – М., 1992. – С. 13.
- (29) *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории»... – С. 80.
- (30) *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *Новая и новейшая история.* – 1995. – № 1; *Он же.* Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // *Свободная мысль.* – 1995. – № 2; *Он же.* Многомерность исторического развития // *Свободная мысль.* – 1995. – № 10; *Он же.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (заметки о необходимости обновленных подходов) // *Исторические записки.* – Вып. 1 (119). – М., 1995; *Он же.* Заметки о текущем моменте // *Вестник Московского университета. Сер. 8. «История».* – 1997. – № 3. (Опубл. Л.В. Миловым)
- (31) *Ковальченко И.Д.* Историческое познание... – С. 112.
- (32) *Ковальченко И.Д.* Многомерность исторического развития... – С. 80.
- (33) Там же. – С. 80.
- (34) *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. – М., 1990. – С. 365.
- (35) *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. / Пер. с англ. – М., 1992. – Т. 2. – С. 121.
- (36) *Дилигенский Г.Г.* «Конец истории»... – С. 85.
- (37) *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 23. – С. 191.
- (38) *Ковальченко И.Д.* Историческое познание... – С. 112.
- (39) *Ковальченко И.Д.* Многомерность исторического развития... – С. 81.
- (40) Там же. – С. 82.
- (41) Там же. – С. 84–85.
- (42) См.: *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. – М., 1958.
- (43) См.: *Семенов Ю.И.* Философия истории. «Современные тетради». – М., 2003. – С. 260–422.

**CONCEPT OF CIVILIZATION
IN THE WORKS OF I.D. KOVALCHENKO**

N.I. Smolensky

Department of Modern and Contemporary History
Moscow State Regional University
Fridrikha Engelsa Str, 21-a, 105000 Moscow, Russia

The article deals with the discussions on the concepts of «formation» and «civilization» historical methods among the Soviet and Russian scholars, that took place in late 1980th and 1990th. The position of eminent Russian historian on this subject is studied.

Key words: I.D. Kovalchenko, socio-economic formation, civilization, methodology in history, Russian historiography.